

СЕВЕРО-ЗАПАД:
этноконфессиональная история
И
историко-культурный ландшафт

Европейский Дом

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

СЕВЕРО-ЗАПАД:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ

СЕДЬМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ШЁГРЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей

«Европейский Дом»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Сельские международные Шёгреновские чтения. *Сборник статей* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2016 — 422 с., илл.

North-West: Ethno-Confessional History, Historical and Cultural Landscape. The Seven Sjögren's readings. Collected articles. — Saint-Petersburg — Publishing house "Evropejsky Dom" — 2016. — 422 p., ill.

Сборник содержит статьи докладов Седьмых Шёгреновских чтений (март 2015 г., РЭМ), подготовленные специалистами научных, культурных учреждений и учебных заведений Российской Федерации: Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Сыктывкара, Мурманска, Великого Новгорода, Твери, Череповца, Выборга, Устьянска, а также Эстонии.

На Чтениях было продолжено обсуждение ставшей традиционной темы — «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ЗАПАДА». В число участников, наряду с этнографами и историками, вошли географы, фольклористы, лингвисты, культурологи, специалисты в области ГИС-технологий и краеведы. Многие публикации содержат конкретный опыт и результаты современного картографирования различных явлений культуры, итоги полевой и архивной работы. Сборник состоит из пяти взаимосвязанных разделов: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта», «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности», «Граница как социально-культурный феномен», «Региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия» и «Историко-культурный контекст и личность».

Издание, как и предыдущие сборники, предназначено не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей этнокультурного ландшафта, его эволюцией и динамикой наряду с религиозной историей, биографиями исследователей Северо-Запада и пограничных территорий: Эстонии, Финляндии, Литвы, отчасти Приуралья и Поволжья.

The collection contains articles and report abstracts of specialists of scientific, cultural and educational institutions of the Russian Federation from Saint Petersburg, Moscow, Petrozavodsk, Veliky Novgorod, Syktvykar, Vyborg, as well as from Lithuania, Estonia and Finland, prepared for the Seventh Sjögren's Readings held in March of 2015 at the Russian Museum of Ethnography. The Readings continued a discussion on the subject that became traditional — "HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTH-WEST". Among the participants of the Readings alongside with ethnographers and historians were geographers, folklorists, linguists, culture experts, specialists in the field of GIS technologies and regional ethnographers. Many publications contain particular experience and results of up-to-date mapping of various culture phenomena, results of the field and archive work. The collection consists of five interconnected sections: "Regional studies of the North-West Region and Neighboring Territories: History and Topics of Modern Studies in Ethnic History and Historic- Cultural landscape", "Confessional History of the North-West Region in Past and Present: Church and Parish Life, Interaction of Churches, Missionary Work, Character and Forms of Religiosity, "Regional Ethno-Confessional, Ethno-Linguistic and Ethno-Folkloric Maps: Innovative Methods and Geo-informative Technologies of Cultural Heritage's Study and Presentation" "The border as a social and cultural phenomenon" and "Historical and cultural context and personality".

The edition, like the previous collections, is meant not only for specialists, but for those who are interested in history of the ethno-cultural landscape, its evolution and dynamics, alongside with religious history, biographies of the researchers of the North-West and frontier territories: Estonia, Finland, Lithuania, partly near Urals region and the Volga region.

**Печатается по решению
Редакционно-издательского совета РЭМ**

Редколлегия: *В.М. Грусман, Е.Н. Кальщиков*

Научные редакторы: *Н.И. Ивановска, О.М. Фишман (отв. ред.)*

Рецензент: *Г.А. Исаченко*

Редакторы: *И.В. Белобородова, О.О. Брашнина*

ISBN 978-5-8015-0366-0

© Российский этнографический музей, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Европейский Дом», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

О.М. Фишман. Введение: итоги Шёгреновских чтений (2006–2015) ♦ 6

Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта

- А.С. Герд. Типы языковых состояний, параметры их выделения и этнография ♦ 14
- М.Л. Засецкая.* Первая всеобщая перепись населения 1897 г. — источник по демографической и социо-культурной истории «петербургской группы» эстонцев-переселенцев ♦ 19
- С.Б. Егоров.* Эстонцы восточной части Ленинградской области (конец XIX—XXI в.) ♦ 30
- Т.А. Шрадер.* Норвежский фермер в российской печати конца XIX в. ♦ 39
- А.А. Заньковская.* Саамы Кольского полуострова по данным В.К. Алымова (1924 г.) и Первой всесоюзной переписи населения СССР 1926 г. ♦ 52
- А.А. Чувьоров.* Кольские коми-ижемцы: импульсы и маркеры конструирования этнической идентичности ♦ 59
- Д.В. Верховцев.* Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках ♦ 70
- А.В. Крюков.* Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке ♦ 78
- А.А. Михайлова.* Репрезентация этнической культуры в мегаполисе: литовские инициативы в Санкт-Петербурге ♦ 92
- О.М. Фишман.* Литовские проекты Российского этнографического музея ♦ 105
- В.Б. Зернов.* Этнография в национально-территориальной геральдике финнов Ингерманландии ♦ 114
- Л.И. Иванова.* Локус бани в карельской мифологической прозе и заклинательной поэзии ♦ 120
- Н.В. Ушаков. 30 лет полевых исследований в Ленинградской области: динамика направлений и методики изучения ♦ 132

Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности

- А.Ю. Котылев.* Модель преобразования культурного пространства в житиях православных миссионеров (Кирилл Солунский, Леонтий Ростовский, Стефан Пермский, Трифон Вятский) ♦ 141
- И.Н. Котылева.* История почитания первых пермских епископов свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII—XVIII вв. на Европейском Севере ♦ 149
- А.Н. Старицын.* Соотношение светского и церковного административного устройства в Поморье во второй половине XVII в. ♦ 157
- А.Ю. Жуков.* Престольные праздники Важинского Присвирия XVI—XVIII вв.: история формирования карел-людииков ♦ 170
- Л.В. Королькова.* Часовенные праздники населения восточных районов Ленинградской области. Опыт комплексного исследования ♦ 178

- А.А. Истомин.* Канунное пиво и часовенные праздники на территории современного Устьянского района Архангельской области в XIX в. ♦ 188
- Н.В. Алексеева.* Покаянная практика в провинциальном городе Европейского Севера России в конце XIX—начале XX в. ♦ 196
- А.С. Давыдова.* Специфика православной традиции на Кольском Севере в этнографических источниках конца XIX—начала XX в. ♦ 204
- М.И. Антипин.* Старообрядцы-филипповцы верховьев Северной Двины в отчётах миссионера господствующей церкви на рубеже XIX—XX вв. ♦ 210
- И.А. Мельников.* Военные поселения Новгородской губернии и «раскольники»: религиозно-ментальный и культурно-исторический контекст ♦ 218
- Т.К. Никольская.* Особенности развития русского протестантизма на Северо-Западе ♦ 224
- В.И. Мусаев.* Шведоязычная паства Русской православной церкви (конец XIX—начало XX в.) ♦ 235
- М.В. Шкаровский.* Католическая община Ленинграда в годы Великой отечественной войны ♦ 240
- Е.В. Бусырева.* Из истории лютеранских приходов Мурманской области (по материалам полевых исследований) ♦ 248
- О.В. Калинина.* Религиозная жизнь сету и русских Печорского района Псковской области в условиях антицерковной государственной политики 1950–1970-х гг. ♦ 253
- М. Кыйва.* Процесс восстановления паломнической традиции в Эстонии в XXI в. ♦ 264
- Л.С. Гуцян.* Армянская община Санкт-Петербурга: этноконфессиональные аспекты исследования (конец XX—XXI в.) ♦ 272

Граница как социально-культурный феномен

- В.Г. Мизин.* Каменные лабиринты Финнмарка и Русского Севера как маркеры средневековых рыбацких общин ♦ 279
- А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник.* Каменные кресты Балтийского региона ♦ 286
- И.Н. Ружинская.* Староверы Лехты: дифференциация границ ♦ 296
- Е.Ю. Дубровская.* Карельское приграничье в военно-политических конфигурациях 1918 года: предыстория противостояния сторон на заключительном этапе Первой мировой войны ♦ 302
- Ю.И. Мошник.* Военное управление Восточной Карелии и его деятельность по сохранению церковных ценностей на оккупированных территориях (1941–1944 гг.) ♦ 310

Региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия

- О.А. Красникова.* О картах политико-административного деления территории Санкт-Петербургской губернии / Ленинградской области XVI—XXI вв. ♦ 318

- В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова.* Историко-топографическая каталогизация православных церквей Новгородской области (предварительные итоги) ♦ 328
- А.И. Савинова, Ю.В. Степанова.* Расселение и демография вышневолоцких карел во второй половине XVIII–XIX в. ♦ 336
- И.Ю. Винокурова.* Вепсская культурная топография: банные ритуалы, связанные с рождением, здоровьем и смертью человека ♦ 345
- А. Куперьянов.* Первый опыт применения GPS-анализа фольклорных текстов ♦ 357
- В.Б. Бовин.* Использование приложения ELAN в работе с фольклорно-этнографическими материалами ♦ 365

Историко-культурный контекст и личность

- Н.И. Ивановская.* Исследователь народной архитектуры Р.М. Габе – представитель творческой интеллигенции многонационального Петербурга ♦ 374
- С.А. Минвалеев.* Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам этнографической экспедиции Р.Ф. Тароевой в 1950-е гг.) ♦ 385
- Е.В. Марковская.* В.П. Гудков: возрождение музыкального инструмента кантеле и создание ансамбля «Кантеле» в Карелии в 1930-е гг. ♦ 395
- А.С. Лызлова.* Вклад Унелмы Семеновны Конкка в изучение карельских народных сказок: исследовательская и издательская деятельность в 1960-е гг. ♦ 402
- Н.М. Романова.* Чиновный мир Петроградского Комиссариата по делам национальностей (1918–1923 гг.) ♦ 411

Список сокращений ♦ 416

Список авторов ♦ 419

*А.И. Савинова,
Ю.В. Степанова*

РАССЕЛЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЯ ВЫШНЕВОЛОЦКИХ КАРЕЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–XIX в.

История формирования и становления Тверской Карелии — один из ярких эпизодов в культурно-историческом развитии Тверского края. С момента возникновения территорий компактного проживания карелов в XVII в. и до нач. XXI в. Тверская Карелия смогла сохраниться как культурный феномен, являющийся до сих пор существенным компонентом этнокультурной карты региона, определяющий его самобытные черты. На территории Тверской Карелии существовало несколько анклавов, заселенных карелами. Это группы вышневолоцких, бежецкие, весьгонских, зубцовских карел, условно названные так в соответствии с уездами Тверской губ., на территории которых они расселились. Их поселения имелись также в Тверском, Осташковском, Кашинском у. Один из наиболее крупных карельских анклавов сложился на территории Вышневолоцкого у. в XIX в.¹

Обобщенное название «тверские карелы» может быть применено по отношению к вышневолоцким карелам только для периода с 1775 г. по настоящее время, поскольку в XVII в. и ранее эти территории входили в состав Деревской и Бежецкой пятин Новгородской земли. С 1719 г. они административно относились к Новгородской провинции в составе Санкт-Петербургской губ. В 1727 г. была образована Новгородская губ.; в нее вошли Новгородская, Псковская, Великолукская, Белозерская и Тверская провинции. Вышневолоцкий у., где сконцентрировалось часть карельского населения, был образован в 1772 г. в составе Новгородской губ., а с 1775 г. — в Тверском наместничестве (с 1796 г. — губернии).

Изучение расселения и демографии тверских карел в новое время проводилось преимущественно по документальным свидетельствам втор. пол. XIX в. А.Н. Вершинский, рассматривая данные статистики за этот период, сделал предварительные выводы о демографических тенденциях в среде карельского населения Тверской губ.² Им же были составлены карты расселения тверских карел, отражавшие ситуацию втор. пол. XIX и перв. пол. XX в.³ До настоящего момента ряд этих работ А.Н. Вершинского остается неопубликованным⁴.

Изучение демографии и семейно-брачных отношений тверских карел в современной отечественной историографии представлено пре-

имущественно работами этнографов по исследованию брачных и семейных традиций, включая обрядовую и отчасти конфессиональную специфику⁵. Однако для изучения института карельской семьи и его особенностей необходимо использовать весь комплекс данных, как статистико-демографического, так и этнографического характера. Такой подход в исследованиях семьи и домохозяйства карел XVIII–XIX вв. представлен Т. Хюмянен⁶ и И.А Черняковой, (последняя рассматривает и карел Весьегонского у. Тверской губ.⁷).

Общие наблюдения о расселении карел на территории Тверского края содержатся в публикациях Ю.В. Готье⁸, А.С. Жербина⁹, В. Салохеймо¹⁰, но они относятся преимущественно к XVI–XVII вв. Краеведческие изыскания, содержащие весьма разнообразные и иногда подробные сведения о карельских селениях, не дают представления о динамике развития карельских анклавов и поселенческой структуры¹¹. Таким образом, до настоящего времени представления о местонахождении карельских анклавов, их конфигурации, взаимосвязи и динамике формирования остаются недостаточно полными, несмотря на статистические исследования и опыт картографирования (П.И. Кёппен, Д.А. Золотарев). Неисследованными остаются расселение, демография и в целом социокультурный облик тверских карел и вышневолоцких в частности в XVIII в.

Цель настоящей работы — изучение территории расселения и демографии вышневолоцких карел в XVIII в. В задачи исследования входила локализация анклавов и пространственный анализ карельского расселения на территории Вышневолоцкого у. в границах втор. пол. XVIII–XIX в., а также изучение демографических показателей в этого же периода., в том числе общей численности, размеров населенных пунктов, включая дворность и населенность крестьянского двора — важнейших для понимания семейных отношений.

Основными источниками исследования стали материалы переписей XVIII–XIX вв., важнейшим из которых являются Экономические примечания по Вышневолоцкому у. 1778 г.¹², также использовались описания карельской семьи, содержащиеся в «Генеральном сообщении по Тверской губернии» за 1783–1784 гг.¹³

Материалы этих публикаций предоставляют сведения о местонахождении отдельных карельских пунктов и целых волостей, численности населения и количестве дворов, размерах обрабатываемой земли и угодий, времени их появления на тверской земле, переселении из одного пункта в другой; в них можно ознакомиться с характеристикой состава карельских семей и дворохозяйств.

Географические рамки исследования определены границами расселения карел в Тверском Верхневолжье. Демографическое исследование было проведено по материалам Вышневолоцкого и Бежецкого у., что обусловлено полнотой источниковой базы.

Хронологически исследование ограничивается XVIII–XIX вв. При изучении демографических показателей XIX в. рассмотрены данные списка населенных мест Тверской губ. за 1859 г.¹⁴ и статистические описания Вышневолоцкого у. за 1880-е гг.¹⁵

Для локализации анклавов расселения тверских карел использованы ГИС-технологии: программный продукт QGIS 2.4. Методы локализации исторических поселений на основе письменных и картографических источников с применением ГИС-технологий в настоящее время разрабатываются в трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей. В данной работе мы опирались на опыт локализации поселений XV–XVII вв., разрабатываемый в трудах А.А. Фролова и Н.В. Пиотух¹⁶.

Локализация производилась на основе списка населенных мест Тверской губернии 1859 г. и топографического межевого атласа А.И. Менде, составленного в 1840–1850-х гг.¹⁷ В работе использовался электронный ресурс «Архивные карты. Обработка и представление архивных карт», разработанный под руководством В.Г. Щекотилова, включающий совместное представление архивных и современных карт¹⁸.

В рамках демографического исследования была создана база данных на базе MS Excel, формализующая данные источников. Опыт применения баз данных для анализа массовых источников по истории тверских карел разрабатывается в трудах И.А. Черняковой¹⁹.

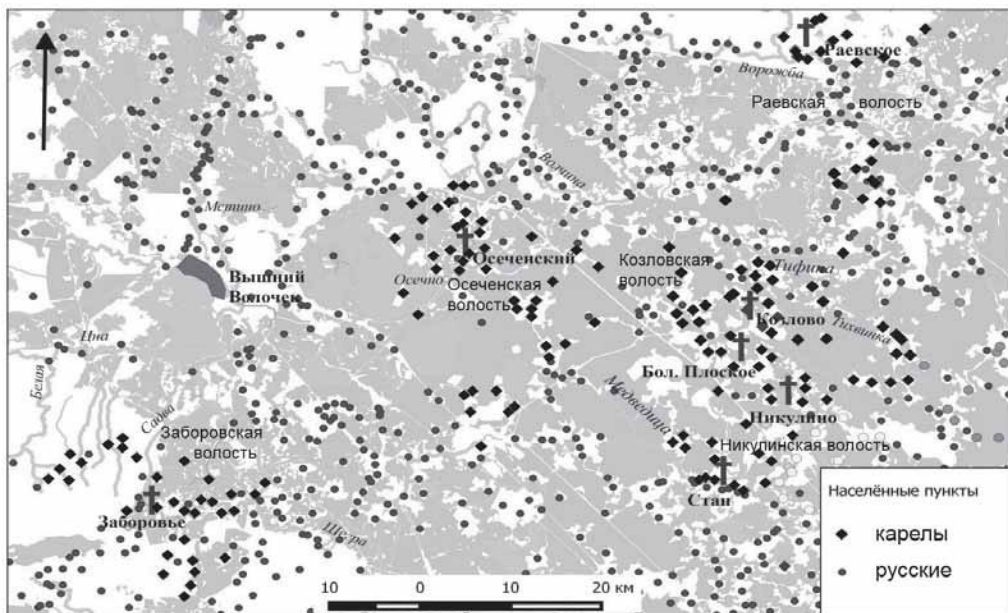
В результате произведенной локализации нами были выявлены территории проживания тверских карел в XVIII в.

В Вышневолоцком у. карельское население было сосредоточено в Заборовской, Осеченской, Никулинской, Козловской и Раевской вол. (см. карту).

Из них наиболее компактно заселенными карелами были Заборовская, Козловская и Никулинская вол., а более разреженными — Осеченская и Раевская. В последней карельские поселения располагались двумя отдельными группами. Территории Козловской, Никулинской, Осеченской и Раевской волостей в древности являлись частью Бежецкой пятины, Заборовская вол. относилась к Деревской пятине Новгородской земли.

Карельские селения Козловской и Никулинской вол. Вышневолоцкого у. примыкали к карельским анклавам в Бежецком у., по сути, составляя с ними единое пространство, освоенное тверскими карелами.

Наиболее крупным карельским населенным пунктом в Козловской вол. было с. Малое Козлово, насчитывавшее 32 двора, в которых проживали 284 чел. В общей сложности в этой волости насчитывалось 42 карельские деревни, с общей численностью населения 2508 чел. В среднем в одном населенном пункте насчитывалось 10–14 дворов, 60–80 жителей. Средний показатель населенности двора — 5,8.

Карта расселения вышневолоцких карел во второй половине XVIII–XIX в.
 Авторы карты А.И. Савинова, Ю.В. Степанова

Центром Никулинской вол. являлось с. Никулино (50 дворах, 261 чел.) В общей сложности в Никулинской вол. в 1770-х гг. насчитывалось 36 деревень, в которых проживало 2619 карел. Средний показатель дворности — 15–17 дворов, численность населения одного населенного пункта составляла 60–70 чел. Средний показатель населенности двора — 5,4.

Карельские поселения Осеченской и Раевской вол. располагались в относительной близости к анклавам Козловской и Никулинской вол. Привлечение данных XIX в. показывает, что максимальные размеры карельских анклавов в них сформировались именно к сер. XIX в.

Во втор. пол. XVIII в. карельские поселения в Осеченской вол. были относительно обособленными от крупнейшего карельского анклава на территории Бежецкого и Вышневолоцкого у. Они тяготели к погосту Осечно и цепи озер Судомля и Городно, расположенной между обширными участками болотистой местности. Осеченская вол. отнеслась к дворцовому ведомству. В общей сложности во втор. пол. XVIII в. в ней насчитывалось около 18 карельских деревень. Среди них имеются и населенные пункты со смешанным русско-карельским населением (Кулотино, Лукино). Здесь преобладали деревни в среднем из 12–15 дворов, с численностью населения 60–70 чел. Средний показатель дворности населенного пункта — 4,8.

В Раевской вол. во втор. пол. XVIII–XIX в. существовало два обособленных карельских анклава. Один из них, на р. Тифина (приток Волчины; бассейн р. Молога), с центром в д. Паулино, тяготел

к Козловской вол. Во втор. пол. XVIII в. здесь было всего 3 деревни, а в XIX в. их насчитывалось уже 9. Второй анклав, на р. Ворожба (также бассейн Мологи), вокруг погоста Раевское, был отделен от первого болотистой местностью в бассейне р. Волчина. Он включал 11 деревень, к которым позднее добавилась лишь одна. В общей сложности в Раевской вол. насчитывалось 1860 карел. При этом селения здесь были немного крупнее, чем в остальных волостях Вышневолоцкого у. — в среднем 18–20 дворов, с численностью населения 100–120 чел. Средний показатель населенности двора был также выше — 6,6, что свидетельствует о стремлении карел к компактному проживанию в этих небольших анклавах, расположенных среди русского населения.

Заборовская вол. Вышневолоцкого у. располагалась обособленно от остальных карельских территорий Вышневолоцкого и Бежецкого у., и ее можно с полным основанием считать карельским островом среди основной массы русского населения. Расстояние от ее окраины до ближайших карельских поселений Осеченской вол. составляло около 25 км. Волость занимала территорию в верховьях небольших рек — Белая, Садва — притоков р. Цна (бассейн р. Мста), и р. Шегра (приток р. Тверца, бассейн р. Волга). С севера волость ограничивала обширная заболоченная низина. Карельские поселения в ней располагались компактно. Русские населенные пункты составляли лишь около 15% от общего числа. В XV в. значительная часть этих земель принадлежала новгородским Аркажскому, Спасскому Хутынскому и Никольскому монастырям и новгородскому владыке, а в 1499 г. конфискованы великокняжеской властью²⁰. На их землях впоследствии была образована дворцовая волость.

В общей сложности во втор. пол. XVIII в. в Заборовской вол. насчитывалось 35 карельских населенных пунктов, в который проживало 4747 чел. Наиболее крупным из них была д. Жальцы, в которой насчитывалось 115 дворов и 537 чел. В среднем же населенные пункты здесь были крупнее, чем в Козловской и Никулинской вол. и волостях Бежецкого у. — около 20 дворов с населением в среднем 130 человек. Средний показатель населенности двора — 5,2.

Таким образом, крупнейшим карельским анклавом на территории Тверской губ. во втор. пол. XVIII в. являлась зона компактного проживания в восточной части Вышневолоцкого у. (Козловская и Никулинская вол.), примыкавшая к карельским анклавам в южной части Бежецкого у. (Ивицкая, Прудовская, Толмачевская, Теблешская, Трестенская, Микшинская вол.). К ней тяготели небольшие группы поселений в Осеченской и Раевской вол. Вышневолоцкого у. Заборовскую вол. можно считать обособленной территорией.

Процесс перемещения карел и их расселения в уездах Тверской губ. продолжался и в XIX в. В этот период расселение происходило в основном в рамках оформившихся компактных территорий, о чем

свидетельствует фиксация новых населенных пунктов XIX в. на окраинах сформировавшихся анклавов.

Статистические источники позволяют выявить демографические показатели карельского населения в 1859 г. и 1886 гг. Анализ данных показывает, что численность карельского населения на протяжении XIX в. неизменно увеличивалась.

Козловская и Никулинская вол. к кон. XIX в. стали своеобразным центром притяжения карельского населения; здесь оно было наиболее консолидированным. В XVIII в. подобным анклавом была Ивицкая вол. Бежецкого у., а во втор. пол. XIX в. местами концентрации карел становятся компактно расположенные волости Вышневолоцкого у.

Положительная динамика прослеживается и в активном увеличении числа карельских дворов. В период с 1859 по 1886 гг. количество дворов увеличивается непропорционально росту численности населения, что говорит о том, что после отмены крепостного права усиливается дробление семейной организации и хозяйств.

В 1886 г. из 25 волостей, формирующих Вышневолоцкий у., карельское население зафиксировано в 17 и в сумме составляло 32 149 чел. обоего пола. Общая численность населения в уезде по подсчетам из тех же статистических таблиц составляет 152 370 чел. (без учета г. Вышний Волочек и поселка при станции Спиrowsкой). Соответственно, карельское население составляло около 21,1% от общего числа жителей в уезде.

Итак, анализ динамики численности карельского населения показывает, что во втор. пол. XVIII в. продолжался процесс расселения карел и формирования карельских волостей; при этом численность карел стабильно увеличивалась. Тенденция к росту наблюдалась и на протяжении XIX в. Многие карельские деревни не просто увеличивались, а разделялись на «новые» и «старые» или подразделялись на части, что можно проследить, сверяя топографические наименования за 1778 и 1886 гг.

В контексте изучения истории и культуры тверских карел особый интерес вызывает карельская семья как важнейший социальный институт, охватывающий семейно-брачные и хозяйственные отношения, являющиеся важнейшими определяющими характеристиками бытового уклада.

Обращаясь к «Генеральному соображению по Тверской губернии», в котором фрагментарно представлена характеристика семейно-бытового уклада карелов, можно заключить, что карелы жили «*большими домами, в которых, как правило, размещалось 2–3 семьи*»²¹. Следовательно, карельские семьи были сложносоставными или расширенными, включавшими несколько поколений. В семьях такой организации, как правило проживали родительская семья и семьи взрослых детей. Организация и ведение хозяйства в рамках крестьянского двора в данном исследовании соотносится с семьей.

В научной литературе выделяется два типа неразделенной семьи — отцовская, состоявшая из трех, иногда четырех поколений (отцы-сыновья-внуки), и братская, в которой совместно жили женатые братья со своими детьми, и возможно, семьи, состоявшие в «боковом» родстве²².

Важнейшим показателем, отражающим состав крестьянской семьи, является населенность крестьянского двора. В силу информативных возможностей источников данный показатель был определен на 1778, 1859 и 1886 гг. для четырех волостей Вышневолоцкого у. — Заборовской, Никулинской, Козловской и Раевской.

На основе изучения статистических показателей по втор. пол. XVIII в., данные из «Генерального соображения по Тверской губернии» подтверждаются, что представлено в диаграммах, составленных на основе сведений, извлеченной из Экономических примечаний по Вышневолоцкому уезду. Из полученных данных следует, что средне-статистическая карельская семья во втор. пол. XVIII в. состояла в среднем из 5–6 чел., что численно соотносится с количеством людей в расширенных или неразделенных семьях.

В сер. XIX в. отмечается резкий рост населенности карельского двора. По данным за 1859 г., он варьируется для максимального уровня от 10,2 до 14,2; для минимального — от 3,5 до 4,8 чел. на 1 двор.

Во втор. пол. XIX в. наряду с общим ростом населения, объясняемого историографами как результат повышения общего уровня жизни и правовой самостоятельности²³, наблюдается численное падение населенности карельского двора ниже показателей втор. пол. XVIII в., которое в 1886 г. составляло в среднем 5 человек

В «Записке о карелах», характеризующей положение карельского населения Тверской губ. во втор. пол. XIX в., имеется свидетельство о разделах, интенсивно производившихся в карельских семьях: *«Если жизнь русского населения чрезвычайно сильно страдает от семейных разделов, то жизнь карельского населения страдает от этого еще более. Каждый более или менее состоятельный отец-кареляк еще при жизни старается разделить сыновей своих, оставляя при себе одного более других любимого. Необходимым следствием такой склонности карел к семейным разделам бывает бедность обоих образовавшихся от разделения семей»*²⁴.

Подобное описание представляет собой типичный пример составной отцовской семьи и свидетельствует о нарастающей практике семейных разделов. Образование малых семей происходило путем раздела на доли общего имения. Учитывая структурную типологию, получается, что сын, оставшийся жить с родителями, после женитьбы образовывал со старшим поколением составную семью. Таким образом, в пореформенное время у карельского населения сосуществовали оба типа семей с нарастающей тенденцией к преобладанию малой семьи.

В целом, результаты исследования свидетельствуют, что численность карельского двора достигает своего пика к сер. XIX в., а в пореформенный период происходит ее резкое падение, что в целом согласуется с имеющимися в историографии наблюдениями.

Подводя итог, можно сказать, что рост численности двора в этот период, по-видимому, был обусловлен прекращением процесса расселения и экстенсивного освоения карелами пустующих территорий. Во втор. пол. XIX в. после крестьянской реформы и в период активного развития промышленности увеличивается отток населения из сельской местности, развивается отходничество. Этот процесс активно затронул карельское население, у которого наблюдается резкое уменьшение показателя численности двора при сохранении этнотерриториальных границ. В то же время растет количество дворов в поселениях. Это свидетельствует о дроблении крестьянской семьи и преобладании малой семьи, состоявшей из ближайших родственников одного поколения, достаточной для ведения хозяйства в новых условиях пореформенного времени.

Примечания

¹ О выделении т.н. вышневолоцкой группы карел на основании полевых и архивных данных писали А.Н. Вершинский и Д.А. Золотарев (*Вершинский А.Н., Золотарев Д.А.* Население Тверского края. Тверь. 1929); позднее — О.М. Фишман (*Фишман О.М.* Итоги и перспективы изучения верхневолжских карел // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг.: Тез. докл. науч. сессии. Л., 1989. С. 53–54. *Она же.* К изучению этнической культуры карел Верхневолжья // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы: Сб. науч. тр. / Под ред. О.М. Фишман. Л., 1990. С. 158–163; *Она же.* Верхневолжские карелы. Опыт изучения и современное состояние // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья: Тез. докл. I регион. науч. конф. Горький, 1990. С. 81–87).

² ГАТО. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 365, 367, 369, 370 — *А.Н. Вершинский.* Памятники истории верхневолжских карел; *Вершинский А.Н.* Список карельских селений Московской области. М., 1932; *Он же.* Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

³ ГАТО. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 191 — *А.Н. Вершинский.* Карта карельского расселения в Тверской губернии.

⁴ *Савинова А.И.* Наследие А.Н. Вершинского в фондах Государственного архива Тверской области // *Carelica*: Науч. электронный журнал. 2014. Вып. 1 (2014). URL — Режим доступа: <http://carelica.petrsu.ru/2014/Savinova.pdf>

См. также: *Котлярская Л.А., Маньков А.Г., Сорина Х.Д.* Обзор архива А.Н. Вершинского // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 300–308.

⁵ *Тароева Р.Ф.* Некоторые стороны семьи и семейного быта у верхневолжских карел // Науч. конф., посвящ. итогам работ Ин-та языка, лит. и истории Карел. филиала АН СССР за 1962 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1963. С. 34–36; *Дементьева Л.А.* Крестьянская семья верхневолжских карел в пореформенный период. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 18 с.; *Она же.* Брачно-семейные традиции тверских карелов во второй половине XIX века // Карельский этнос: история и перспективы развития: Тез. науч. конф. Олонец, 1996. С. 28–30; *Фишман О.М., Чичкина И.В.* Старообрядчество как фактор стабильности этнолокальной общнос-

ти тверских карел // Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. ст. / Отв. ред. О.М. Фишман. СПб, 2002. С. 169–170.

⁶ *Хямюнен Т.* Традиция «больших семей» у карел и ее исчезновение // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 59–60, *Он же.* Положение женщины в семьях приграничной Карелии в XIX–начале XX столетия // Карельская семья во второй половине XIX–начале XXI в.: Этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: Сб. ст. и мат-лов / Сост. и ред. О.П. Илюха. Петрозаводск, 2014. С. 110.

⁷ *Чернякова И.А.* Брачное поведение в Олонекской, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII–XIX вв. // *Väestö ja perhe Karjalassa.* Население Карелии и карельская семья. Joensuu, 2003. С. 133–143.

⁸ *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

⁹ *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

¹⁰ *Saloheimo Veijo.* Entisen esivallan alle, uusille elosijoille: ortodoksikarjalaisten ja inkeroisten poismuutto 1500- ja 1600-luvuilla. Joensuu, 2010.

¹¹ *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.

¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 4 — Экономические примечания Вышневолоцкого уезда.

¹³ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального описания по городам и уездам 1783–1784 гг. Тверь, 1873.

¹⁴ Список населенных мест Тверской губернии. Тверь, 1859.

¹⁵ Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. 3. Вышневолоцкий уезд. Тверь, 1889.

¹⁶ *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3: Исследования и таблицы. М.; СПб., 2008.

¹⁷ Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. М., 1853.

¹⁸ Архивные карты — обработка и представление архивных карт // URL — Режим доступа: <http://boxpis.ru/svg/>

¹⁹ *Чернякова И.А.* База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие: Мат. IV междунар. науч. конф. ЕІ Manuscript-2012. Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 279–285.

²⁰ *Фролов А.А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2004. Вып. 4 (18). С. 54–62.

²¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. С. 69.

²² История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII–1861 г.). М., 1993. С. 240.

²³ *Александров Н.М.* Влияние отхожих промыслов на социально-демографическое развитие пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 335–336.

²⁴ Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии // ТЕВ. 1882. № 4. С. 117–125.